

Вопросы *Литературы*

В НОМЕРЕ:

ОБРАЩАЯСЬ К ЛЕНИНСКОМУ НАСЛЕДИЮ:
ЗАМЕТКИ К. КУЛИЕВА, СТАТЬЯ Н. ГЕЯ

„ЛЕТУЧКА“ КРИТИКОВ ОБСУЖДАЕТ ЖУР-
НАЛ „ЗВЕЗДА“

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ: СТАТЬИ А. БУРОВА,
В. ШКЛОВСКОГО

МАСТЕРСТВО ПИСАТЕЛЯ: ВЫСТУПЛЕНИЯ
С. МИХАЛКОВА, Н. УШАКОВА

МОНГОЛЬСКИЕ ПИСАТЕЛИ О СОВРЕМЕННОЙ
ПРОЗЕ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХИ Н. ОЛЕЙНИКОВА

1969

3

«РИТОРИЧЕСКИЙ МИР» ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

Изучение образности и в литературоведении Запада перестает быть прерогативой стилистики. Английский литературовед Пол Фассел и американская исследовательница Патриция Спакс, анализируя образную специфику произведений английских просветителей, стремятся таким путем понять и объяснить этические и эстетические убеждения изучаемых писателей.

В работе П. Фассела «Риторический мир Августовского гуманизма» (веком Августа в Англии обычно называют литературный подъем эпохи королевы Анны, П. Фассел же распространяет это понятие на все XVIII столетие) рассматриваются этические позиции и образный строй произведений Дж. Свифта, А. Попа, филолога С. Джонсона, живописца, автора известных «Лекций» Дж. Рейнольдса, историка Э. Гиббона и публициста Э. Бёрка. «По-моему, — пишет исследователь, — эта группа представляет нечто вроде центральной нервной системы, проходящей через весь XVIII век». Общее между избранными им авторами П. Фассел усматривает в единой гуманистической концепции личности. Исследователь, конечно, не отождествляет этических воззрений Свифта и Попа или, скажем, Джонсона и Бёрка; он пытается выяснить те общие принципы, которые роднят столь разных художников в понимании гуманизма как литературно-этической категории. При этом автор рассматривает исторические, публицисти-

ческие и искусствоведческие трактаты как произведения литературы.

Отметив характерные качества просветительского гуманизма (критическое отношение к действительности, осознание уникальности человека как существа социального и сознательно-го), П. Фассел говорит о «парадоксальной двойственности» в воззрениях английских гуманистов «августовского века». С одной стороны, признание огромных возможностей человека, с другой — констатация таких явлений, как нивелирование человеческой индивидуальности, коррупция, пронизывающая все общество, и другое. У Свифта, Джонсона и их последователей критик обнаруживает переключку со знаменитым монологом Гамлета о человеке — «венце всего живущего» и в то же время «квинтэссенции праха». Развивая эту мысль, критик впервые «приобщает» к числу гуманистов и Филдинга, выявившего в «Джозефе Эндрюсе» то же двойственное отношение к человеку.

На наш взгляд, мысль о том, что истоки просветительского гуманизма обнаруживаются в таких произведениях, как «Гамлет», «Король Лир» или «Потерянный рай», весьма плодотворна. Хотя эстетика XVIII века еще была далека от преклонения перед Шекспиром, в этической программе ряда писателей эпохи Просвещения явно ощущалось генетическое родство с творениями их гениального драматурга.

Касаясь проявлений гуманистического мировоззрения в образной системе английских просветителей, П. Фассел исследует следующие основные источники их образности: военное дело, архитектуру и строитель-

* Paul E. Fussell, *The Rhetorical World of Augustan Humanism. Ethics and Imagery from Swift to Burke*, Clarendon Press, Oxford 1965, 312pp.; P. M. Spacks, *The Poetry of Vision*, Harvard University Press, 1967, 237 pp.

ство, предметы одежды, путешествия, биологию, элегическую поэзию. Некоторые главы этого раздела книги весьма интересны. Так, по мнению П. Фассела, с помощью военной лексики и фразеологии в образном строе «Битвы книг» Свифта, «Суетности людских желаний» Джонсона, «Второй лекции» Рейнольдса находит выражение боевой, наступательный характер просветительского гуманизма, борьба идей. Склонность писателей «августовского века» к этим фигурам, — как правило, иронически переосмысленным, — ставится П. Фасселом в зависимость от понимания художниками конфликтной природы литературы.

Очень содержательна глава «Город жизни и город литературы». Архитектурные аналогии необычайной распространены в литературе XVIII века: Свифт использовал образ постройки для аналогии с процессом познания и управления, Поп брал из архитектуры метафоры для развития мысли о физическом совершенстве человека; как справедливо полагает П. Фассел, в XVIII веке применение архитектурных образов становится универсальным. Причины такой их популярности связаны и с тем, что в то время строились или перестраивались многие районы Лондона, и с появлением плеяды отличных архитекторов, и с участием ряда литераторов в ложах «свободных каменщиков» — масонов. По мнению П. Фассела, архитектурные образы давали «способ воплощения локковской теории знания и мысли о роли плана, упорядочения воли и порядка в самоорганизации человеческого воображения, а также способ передачи статичных, социально сбалансированных политических отношений и видов зависимости, присущих городской жизни».

С воздействием философии Локка связано и распространение жанра

«путешествия» — авантюрного, фантастико-пронического или сентиментального. «Согласно Локку, — пишет П. Фассел, — сам акт литературного творчества подобен путешествию; стартуя в границах своей индивидуальности, движешься центробежно через системы объективно значимых риторических символов к конечному пункту путешествия — эмоциям и разуму безымянного читателя».

В книге П. Фассела немало интересных наблюдений. Однако часто хочется поспорить с исследователем. Прежде всего трудно согласиться с противопоставлением секстета «от Свифта до Бёрка» — всем остальным писателям XVIII века, которых П. Фассел зачисляет в «оптимисты». По его мысли, «гуманизм», рассматривающий главным образом критическое отношение к жизни, несовместим с «оптимизмом», ведущим в конечном счете к примирению с действительностью. Тем самым панглосовская, по сути, концепция оптимизма приписывается не только Аддисону и Дефо, но и Филдингу, Стерну, Блейку и Бёрнсу. Подобная категоричность приводит к суженному представлению о гуманизме просветительской эпохи.

Бросается в глаза идеализация эстетических суждений Джонсона. Вряд ли есть смысл некритически воспринимать всякое мнение этого писателя и крупнейшего ученого-филолога; не потому ли П. Фассел отказывает в сатирических достоинствах роману Филдинга «Джонатан Уайльд», а в романах Стерна подмечает лишь следы воздействия философии Шефтеберга.

При анализе образной специфики произведений английских просветителей отсутствует единый принцип классификации. Если группы «военных фигур», архитектурных образов,

образов одежды (хрестоматийный пример — кафтан в «Сказке бочки» Свифта) и т. п. выделены по принципу материала, то элегические тропы составляют у П. Фассела отдельную группу по принципу жанровой тоналности. Книга П. Спакс в этом отношении отличается большей цельностью.

Работу П. Спакс, посвященную творчеству пяти крупных поэтов английского Просвещения: Дж. Томсона, У. Коллинза, Т. Грея, К. Смарта и У. Каупера — сближает с монографией П. Фассела общность принципов исследования: оба автора уделяют первостепенное внимание образности художественных произведений.

П. Спакс не классифицирует источники образности в просветительской поэзии, а стремится выяснить специфику «риторического мира» каждого из поэтов. В некотором отношении программной в ее книге можно считать главу «Томас Грей. Действие и образ», где основное внимание уделено взаимосвязям поэтической риторики Грея и его взглядов на действительность поэзии, соотношению рационального и иррационального начал в его поэтических образах. Очень интересны наблюдения П. Спакс над метафоричностью стихов Томсона и Коллинза, ролью библейских образов в поэзии Смарта, сосуществованием дидактиче-

ского и описательного моментов у Каупера. При этом исследовательница, как правило, разбирая образную структуру того или иного поэта, стремится таким путем помочь читателю понять своеобразие его эстетических позиций и творческих устремлений.

В проблемном заключении П. Спакс не случайно обращается к «Опыту о критике» А. Попа. Считая, что поэзия «августовского века» представляет интерес не только своим дидактизмом, но и художественной выразительностью, автор монографии показывает, как в творчестве исследуемых в книге поэтов преодолевалась излишняя рассудочность поэтической традиции Александра Попа.

Правда, П. Спакс можно поставить в упрек то, что за пределами ее работы остались некоторые крупные поэты второй половины XVIII века. Однако исследовательница не стремилась дать полное описание образной системы в поэзии английского Просвещения. Законченной картины не содержит и более общий по характеру поставленных проблем труд П. Фассела. Но и то, что сделано, представляет значительный интерес как для изучения конкретных явлений литературы рассматриваемой исследователями эпохи, так и в методологическом аспекте.

М. СОКОЛЯНСКИЙ